

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

КЛАССИК ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

ИППОДРОМ

ЭКСМО

Николай Иванович Леонов
Ипподром
Серия «Гуров», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120812
Ипподром: Эксмо; Москва; 2000
ISBN 5-04-003620-5

Аннотация

Повесть «Ипподром» – первая в цикле повестей о Льве Гурове. В ней будущий знаменитый сыщик предстает перед читателями еще молодым лейтенантом, расследующим убийство жокея на ипподроме. У начинающего оперативника есть кое-какие версии происшедшего. Но чтобы подтвердить свои догадки, ему надо стать своим человеком в этом мире...

Книга также издавалась под названием «Явка с повинной».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	45
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Николай Леонов

Ипподром

Глава 1

Инспектор уголовного розыска Лев Гуров облокотился на металлический барьерчик и с любопытством разглядывал ипподром.

По кругу в легких игрушечных колясках проезжали наездники, они сидели откинувшись, скорее полулежали, смешно задрав ноги. Лошади были разномастные и, если можно так выразиться, разнокалиберные. Одни высокие, мощные, с широкой грудью, другие миниатюрные, с тонкими хрупкими ногами. Все без исключения удивительно красивые.

Гуров давно собирался выбраться на ипподром, все откладывал, сегодня был здесь впервые и не ожидал, что лошади могут быть такими красивыми и произвести на него, человека современного и рационального, сильное впечатление.

Льву Ивановичу Гурову было двадцать шесть лет, и поэтому его отчество упоминалось лишь в документах. Он окончил юрфак университета и четвертый год работал в уголовном розыске.

Вчера начальник отдела полковник Константин Констан-

тинович Турилин попросил Гурова остаться после оперативки и торжественно вручил ему пустую, пахнущую конторским клеем папку, на которой было написано: «Уголовно-розыскное дело по раскрытию убийства гражданина Логинова Б. А.». Турилин, вручая пустую папку, порекомендовал почаще заглядывать и советоваться, а сейчас немедленно отправляться к следователю прокуратуры, получить от него указания и действовать, чтобы установить «неизвестное лицо, совершившее убийство гр-на Логинова Б. А.».

Борис Алексеевич Логинов более тридцати лет работал наездником на ипподроме; три дня назад он был найден мертвым в стойле всеобщего любимца рысака Гладиатора. На виске Логинова была запекшаяся рана, на правой задней подкове жеребца обнаружили следы крови. Составили все необходимые документы, мол, произошел несчастный случай. Но на следующий день эксперты научно-технического отдела дали заключение, что Логинов был убит не ударом подковы. Все это Гуров узнал от следователя прокуратуры, который встретил его вежливо, но без особого энтузиазма.

Гуров три раза перечитал протокол осмотра места происшествия и протоколы допросов людей, работавших в конюшне вместе с Логиновым, попытался разобраться в заключениях экспертиз, но тут же запутался в терминологии.

Николай Тимофеевич, так звали следователя, довольно бесцеремонно забрал у Гурова папку с уголовным делом, сел рядом.

– Вот что, Лев Иванович, – он вздохнул. – Можно называть вас Левой? Вот и прекрасно. С врачами и экспертами я беседовал. Логинова убили, знаменитый Гладиатор не имеет к происшедшему никакого отношения. Удар был нанесен острым металлическим предметом сверху вниз. Такого острого края у подковы нет, и на такую глубину в височную кость подкова проникнуть не могла. Так что давайте искать убийцу. Вы знаете ипподром? Нет? Ваш Турилин всегда удивлял меня. Отправляйтесь, Лева, к нему, составляйте ваш план розыска, затем – на ипподром. Звоните, приходите в любое время.

Гуров взглянул на проезжавших мимо лошадей и направился в административный корпус. Он прошел по тихому прохладному коридору, постоял у доски Почета, вынул из кармана сложенную вчетверо глянцевитую бумагу, развернув, в который раз уже прочитал: «Редакция журнала просит оказать содействие литератору Л. И. Шатрову, который работает над повестью, рассказывающей о работе ипподрома». Фамилию Гуров на всякий случай изменил, а имя и отчество оставил.

На двери, рядом с которой он стоял, раздумывая, красовалась табличка: «Главный зоотехник М. Г. Бондарева». Решая, как расшифровываются эти «М. Г.», он постучал и вошел в кабинет, поклонившись сидевшей за столом крупной, уже не молодой женщине, смутился, молча протянул письмо редакции.

– Бондарева. Мария Григорьевна, – прочитав бумагу, сказала она и протянула руку.

Пожимая плотную сильную ладонь, Гуров замешкался и покраснел. Наградили же родители именем. Представляться «Лев» смешно и претенциозно. Яшин – тот действительно Лев. Говорить «Лева», так сразу хочется добавить: «Из Могилева». Так дразнили его ребята в школе. Машины Левушка и Левчик вообще в счет не шли.

– Лев Иванович, – он скомкал отчество, почувствовал, что покраснел до неприличия. Тоже милая черта краснеть по каждому поводу и без оногo, это удивительно помогает в работе с людьми.

Бондарева жестом предложила ему сесть, вздохнув, отодвинула лежавшие перед ней бумаги, словно расставалась с недоеденными пирожными, ловко, по-мужски закурила «Беломор».

– Ну-с, Лев Иванович? – Она внимательно оглядела Гурова, но он уже оправился и ответил обезоруживающей улыбкой. Лева знал, что улыбка у него отменная. – Что же вас интересует?

«Кто убил наездника Логинова», – мог бы ответить Гуров, но сдержал столь естественный и правдивый ответ, задумался, рассудил, что ему только двадцать шесть, литератор он начинающий, и искренне сказал, что пока точно не знает, в основном, конечно, люди.

Бондарева откинулась в массивном кресле, одобрительно

улыбнулась, глядя поверх Гурова, тут же нахмурилась неизвестным ему мыслям и неторопливо заговорила:

– Что же, мы, конечно, заинтересованы в прессе... – Она опустила взгляд на Гурова. – У нас бывают художники, фотографы, журналисты. – Бондарева замолчала, провела сильной ладонью по столу, в ее глазах появились вопрос, сомнение, даже просьба. – Некоторым выдашь пропуск, а он на конюшню не зайдет даже, толкается в призывные дни на трибунах, играет.

Упоминание о тотализаторе вернуло мысли Гурова к убитому наезднику. Тотализатор. О нем говорили Турилин и следователь прокуратуры, а он, Гуров, и не видел никогда этот тотализатор. Бондарева расценила молчание посетителя как растерянность и продолжила увереннее:

– Люди вас интересуют. У нас, как везде, люди разные. Иной оформится, думает, здесь золотое дно, проработает месяц и уволится. Есть такие, которые через конюшню хотят попасть сюда, поближе к кассе.

Гуров украдкой оглянулся, кассового окошечка видно не было. Обычный служебный кабинет, скромненькая мебель, никакого тебе тотализатора, даже лошадьми не пахнет. А вот от слов Бондаревой деньгами запахло. Видно было, что эти деньги раздражают главного зоотехника.

– Замечательные у нас люди. Замечательные! Фанатики конного спорта! Лошади, лошади какие у нас! Поэма! Сказка! – Бондарева замолчала неожиданно, как бы смутившись

своего порыва. – Есть и людишки. Есть, к сожалению.

– Я зайду и на трибуны, – сказал Гуров. – Меня интересует ипподром в целом.

– Конечно, конечно, – согласилась Бондарева и взглянула вновь подозрительно. – Можно дать вам пропуск дня на три-четыре.

– Нет уж, спасибо. – Гурова совершенно не прельщала перспектива каждый день брать билет и платить восемьдесят копеек, однако не отказаться он уже не мог.

– Почему же, дадим, – виновато сказала Бондарева.

– Спасибо, – Гуров отрицательно покачал головой. – Я хотел бы познакомиться с тренотделением Григорьевой, – излишне резко сказал он, давая понять, что разговор о пропуске закончен, пришел он сюда работать и пора начинать.

– Нина Петровна человек очень интересный, талантливый, но...

– Извините, – Гуров встал, – я хотел бы пойти именно к Григорьевой.

Бондарева хотела сказать, что здесь хозяйка она, но сдержалась и промолчала. Гуров ждал. Высокий, худой и очень стройный, в изящном дорогом костюме, глаза голубые, наивные, краснеет, как девица. Он, видимо, пришел сюда по делу. Не игрок, конечно, не игрок, думала Бондарева, разглядывая Гурова снизу вверх. Однако Нине сейчас не до писателей.

Бондарева с Гуровым вышли из административного корпуса, Мария Григорьевна указала на противоположную сто-

рону ипподрома.

– Шестое тренотделение. Я позвоню.

– Благодарю, Мария Григорьевна. Извините за беспокойство. – Гуров раскланялся, легко перепрыгнул через барьерчик и пошел полем.

«Ничего, сейчас Нина тебе работенку определит, хороши ты будешь в отутюженном костюмчике да с манжетами», – не без злорадства подумала Бондарева, глядя ему вслед. Она еще постояла немного, полюбовалась лошадьми и вернулась в кабинет, чтобы позвонить Нине.

Гуров пересек поле. Длинные белого камня конюшни, у которых бегали неизвестной породы собаки. Жарко, малолюдно и тихо, процокают подковы по асфальту, выедет наездник на круг ипподрома – и не слышно его, лошадь где-то фыркнет, звякнет ведро, и вновь тишина, даже не верится, что находишься в центре огромного города.

После яркого солнца в конюшне темно, Гуров задержался у входа, ждал, когда глаза привыкнут. Пахло лошадьми, но совсем не так резко, как он ожидал. Гуров пошел по коридору, читая таблички: «Гиацинт», «Виринея», «Кустанай». Красивые, немного загадочные имена. Гуров знал, что в пятом стойле находится знаменитый дербист Гладиатор, у ног которого три дня назад нашли тело Логинова. Лева не хотел подходить к этому стойлу, успеется, да и на фотографии он все хорошо видел, сейчас там стоит знаменитый жеребец, и все, трупы нет.

Гуров повел плечами, оглянулся. Никого. Виринея, тихо всхрапнув, ткнулась лбом в прутья денника, потянулась к нему. Гуров погладил мягкую теплую кожу.

– Известная попрошайка, – из соседнего денника вышел молодой парень, хлопнул Виринею по морде. – Иди, иди, бегать научись сначала. Сахар потом.

Конюху было лет двадцать с небольшим, звали его Колей.

– Мария Григорьевна уже звонила, Нина Петровна сейчас на кругу, тренирует Лотоса. – Все это он сообщил Гурову, вытирая белые веснушчатые руки ветошью и глядя равнодушно в сторону, затем вернулся в стойло и, опустившись на колени, начал бинтовать ноги вороной лошади по кличке Роковая.

– Не брыкается? – после долгой паузы спросил Гуров и чуть было не откусил себе язык. Ведь надо такой вопросик придумать. Парень-то считает, что Логинов погиб от удара своей лошади.

– Привыкла, – односложно ответил Коля.

Гуров разозлился.

Тишина и уют, прохлада и приятные запахи, конюх Коля с веснушчатыми полными руками. Кобыла с издевательской кличкой Роковая, а Логинова убил якобы Гладиатор, на самом же деле убийцей может быть конюх Коля, такой спокойный и флегматичный с виду.

Почему он так спокойно и беспечно сидит у самых копыт, если считает, что Логинова пристукнули точно в такой ситу-

ации?

Гуров изучил все анкетные данные как этого Коли, так и остальных работников конюшни. Штат малюсенький, выбор невелик: мастер-наездник, она же руководитель отделения Григорьева, практически отпадает. И биография ее безупречная, и не женское дело проламывать головы. Коля, как известно Гурову, прошлой осенью демобилизовался, хочет стать наездником, второй конюх – Рогозин Михаил Яковлевич, шестидесяти двух лет, работает здесь с сорок шестого. Два молодых наездника, оба недавно из армии. Известно о них крайне мало. Еще здесь бывает прикрепленный к отделению кузнец Петрушин.

Из этих и выбирай, Гуров. Если даже никто из них не убивал, все равно хотя бы косвенное отношение к убийству иметь должен. Так ему вчера говорил Константин Константинович. Анкетные данные всех работников тренотделения Гуров выписал из протоколов допросов, подшитых в уголовном деле. Результаты экспертизы им неизвестны, все, кроме убийцы, естественно, считают, что произошел несчастный случай.

Тихо в конюшне, уютно, лошади шуршат в денниках, изредка всхрапывают или трутся боком о перегородку. Идиллия. Человека убили, и все тихо, спокойно. Мастер занят своим делом, конюх – своим, остальных вообще не видно. Гуров прошел до конца конюшни, насчитал шестнадцать денников с одной стороны, соответственно столько же – с

другой.

Знаменитый рекордист и дербист Гладиатор от своих соседей внешне не отличался – темно-гнедой, статный и выхоленный. Гуров взглянул на него мельком, не стоило оставаться рядом с местом убийства, ведь кто-то может наблюдать за ним, «писателем», со стороны. Кто-то, имеющий отношение к убийству, напряжен и нервен, он подозрителен, может элементарное любопытство истолковать по-своему. Тогда легенда Гурова, конспирация и весь план розыска полетят к черту. План? А в чем он, собственно, состоит? Познакомиться с людьми, постараться понять их. Все было ясно и понятно в кабинете Константина Константиновича. Здесь же с тобой и разговаривать-то никто не хочет. Попробуй разберись.

В конце конюшни две расположенные друг против друга комнаты. В правой отдыхают наездники. Гуров заглянул. Наездники отдыхали в полном смысле слова, сладко спали, один даже храпел. На столе пакеты с молоком, мятая газета, хлеб, колбаса. В комнате напротив пусто, резиденция начальства. Григорьева Нина Петровна, двадцать восемь лет, незамужняя... Гуров вошел, сел около круглого стола, покрытого красной плюшевой, кажется пыльной, скатертью, огляделся. Говорят, вещи рассказывают о человеке правдивее, чем он сам. Что же, начнем слева направо, по часовой стрелке, как при обыске.

У стены, рядом с дверью, огромный деревянный сундук.

Лет сундуку столько, что его вполне можно назвать историческим. На сундуке стояли вполне современные весы. В углу, по другой стене, – комод. Не шкаф, не сервант, а комод – дубовый, резной. Он брат, племянник, возможно, отец сундука. Ну, еще вот стол, на который он, Гуров, облокотился. На нем приемник, молодой сравнительно, сорока лет не будет. Вазочка с очаровательной восковой розочкой, на лепестках пыль. Дорожка-половичок, между комодом и шкафом половичок хорошо смотрится. Напротив двери окно, при поверхностном осмотре – его не открывали и не мыли... в этом-то году уж точно. Главное украшение комнаты – картина. Она висит на стене. На ней изображен конь. Плоский, мертвый конь сундучно-комодного цвета.

Что же можно сказать о хозяйке этой комнаты? Конечно, Григорьева здесь не живет, но ведь какое-то время проводит? Гуров сделал в блокноте несколько пометок, услышал у входа в конюшню цокот подков, голоса, вышел из комнаты. На фоне яркого проема распахнутых ворот были четко видны лошадь, коляска и человеческие фигуры.

Лошадь, на которой приехала Григорьева, была вся в мыле. Наездница и конюх быстро распрягли. Коля повел лошадь прогуливать, а Григорьева, даже не взглянув на Гурова, сказала:

– Помогите мне.

Он понял, что надо откатить коляску, и тут же убедился, что она совсем не такая изящная и легкая, какой выглядит со

стороны. Григорьева была невысокого роста, с чуть косолапой походкой, шлем закрывал волосы, поднятые очки – лоб, лицо было грязное и злое. Гуров смущенно отвел глаза и стал наблюдать, как конюх Коля подвел лошадь к расположенной неподалеку площадке, в центре которой торчал столб с приделанными к нему параллельно земле шестами. Сооружение напоминало детские карусели. Конюх пристегнул лошадь к концу шеста, и она пошла по кругу, роняя хлопья пены.

Наездница возилась со снаряжением и украдкой разглядывала гостя. Чистенький, вылощенный, похож на эстрадного артиста. Лицо растерянное, удивленное, а уж молод-то, двадцать два, двадцать три, не больше. Лева действительно выглядел моложе своих лет и от этого еще больше стеснялся. Нина оглядела свой покрытый пылью мужской костюм, который делал ее похожей на водолаза.

– Эй! – умышленно грубо окликнула она Гурова. – Писать сюда пришли?

– Простите? – Гуров залюбовался лошастью, которую мыл конюх. Он вылил на нее несколько ведер воды, теперь чистил, а она фыркала, раздувала ноздри, блестела шелковыми боками, была нереально красива, будто пожаловала сюда прямо из сказки.

– Неужели ее может кто-то обогнать? – забыв, что к нему обратились с вопросом, пробормотал Гуров.

– Это Лотос. Ленька, – подчеркивая мужской пол, насмешливо сказала Григорьева. – Ленька лодырь, еще не же-

ребец, а так себе. Кроме королевских кровей и таланта, ничего нет.

– Чего ничего? Раз талант...

– На одном таланте далеко не уедешь. – Нина ударила хлыстом по сапогу и рассмеялась. – Запомните и деньги на этого бездельника не ставьте.

Гуров задрал подбородок и высокомерно оглядел наездницу. Он мгновенно забыл, что он инспектор уголовного розыска, «писатель», расследует убийство, что ему нужны хорошие, доверительные отношения, что он разговаривает с мастером-наездником, хозяйкой тренотделения, в котором ему необходимо провести не один день. Он был уязвлен и ответил заносчиво и глупо:

– Послушайте, как вас там, Нина Петровна, кажется?

Глядя на пылающие щеки юноши, Нина расхохоталась еще громче.

– Писатель! Знаю, знаю. У меня тут скульптор был, – давась от смеха, говорила она. – Эдакий мэтр, с трубкой. Не только лошадей, меня ваять собирался. В соседней конюшне художник, к Василию фотокорреспондент похаживал...

– У Прохорыча один журналист дней пять навоз убирал, – вставил вышедший из конюшни молодой наездник.

В пылу гнева Гуров не заметил, что его окружили работники конюшни. Проснулись и вышли на него посмотреть два молодых наездника, неизвестно откуда появился старый конюх Рогозин. Все улыбались, смотрели на пришельца с лю-

бопытством и насмешкой. Гуров пересилил себя, хотел тоже улыбнуться и пошутить.

– Хватит! – Нина вновь ударила хлыстом по сапогу. – Михалыч, выводите Риту.

Все занялись своим делом. Rogozin (видимо, его здесь звали Михалычем) побежал выводить Роковую, вот почему Коля бинтовал ей ноги. Коля завел в стойло Лотоса-Леньку. А он, вымытый и вычищенный, тут же упал на солому и стал кататься, поджимая ноги, словно собака.

– Дурак, он и есть дурак, – ласково сказала Григорьева шедшему за ней Гурову. – А вам работать надо, иначе ничего не узнаете.

– Не помешаю?

– Нам нужен любой человек, – сделав ударение на предпоследнем слове, ответила Григорьева. Она остановилась, протянула руку. – Нина.

– Лева. – Гуров впервые назвал свое имя без запинки.

– Работайте, Лева. – Она оглядела его костюм. – Мы начинаем в семь утра.

– Буду стараться бывать почаще, – ответил Гуров и прижался к стойлу, так как конюх выводил Роковую.

– Блокнотик положите, подержите лошадь, – сказала Нина, и он только сейчас заметил, что все время держал в руках блокнот.

Гуров встал против морды лошади, принял от Нины узду. Рита смотрела удивленно, мотнула головой.

– Осторожнее, кусается!

Гуров напрягся. Шутит или серьезно? Рита неторопливо тянулась мягкими губами к правой руке, когда он потянул налево, Рита ткнулась мордой в левую руку. Григорьева рассмеялась.

– Не дергайте, иначе Рита подаст назад. – И через несколько секунд добавила: – Отпускайте.

Гуров опустил затекшие от напряжения руки, отскочил в сторону. Нина выехала из конюшни и скрылась за поворотом.

Какими-то делами занимались наездники. Михалыч развешивал на крючках, привинченных к наружной стороне стойл, мешочки с овсом, конюх Коля сидел уже под другой лошадью и бинтовал ей ногу, значит, готовил к тренировке. Григорьева уехала, и стало вновь тихо.

Однако именно здесь убили человека. С семнадцати до девятнадцати, как утверждает эксперт. Убили и бросили под копыта жеребца, на котором мастер-наездник Логинов за час до этого выиграл очередной заезд.

Гуров вздохнул и поплелся в комнату Нины Григорьевой. Что делать-то, как убийцу искать? Как бы с людьми подружиться для начала?

Глава 2

Борис Алексеевич Логинов был убит в июньский воскресный день. В шестнадцать часов он участвовал в заезде, выиграл его, вернулся на конюшню. Гладиатора распрягли, выгуляли, вымыли и вычистили. Логинов в это время находился в комнате начальника отделения. Комната была формально за Ниной Григорьевой, фактически ее занимал Логинов. Став мастером-наездником в конце сороковых годов, он получил конюшню и занял эту комнату. Как и многие сегодняшние мастера, Нина была его ученицей. Когда после смерти жены Логинов начал выпивать и, по выражению наездников, заглобал и стал сходить с круга, начальство отстранило его от руководства тренотделением. Должность предложили Григорьевой. Она отказывалась, но Логинов ее уговорил. «Ты умница и человек ученый, – объяснял он, – однако все равно поначалу тяжело будет. Тут я рядом, подскажу чего, подмогну. Меня же, старого, все одно снимут, так уж лучше я на привычном месте, рядом с тобой, буду». Нина согласилась, и они сначала формально, а затем и фактически поменялись местами. Но комнату Нина ему оставила, заходила туда редко.

Итак, в то воскресенье конюхи, приняв от Логинова Гладиатора, приводили его в норму, а старый наездник отправился в свои апартаменты, где, как всем было известно, у

него имелась четвертинка и бутылка пива. Через полчаса, когда Гришу, так звали на конюшне Гладиатора, заводили уже в стойло, Логинов, улыбочивый, с блестящими глазами и подозрительно оттопыривающимся карманом, появился в коридоре. Через десять минут, то есть в семнадцать часов, начался очень интересный заезд, конюхи хотели его посмотреть и торопились, а надо было еще снять с жеребца бинты. Логинов покровительственно усмехнулся, сказал, чтобы ребята топали на круг, он, старый, сам посидит с Гришей и сам разбинтует ему ноги. Конюхи отлично знали, что Гладиатор любимец Логинова. Наездник вместе с Ниной вытренировал жеребца и поднял его на высшую ступень лошадиной славы. В руках Логинова жеребец выиграл в прошлом году дерби, а Нина привела его первым на больших международных соревнованиях с новым всесоюзным рекордом. В общем, конюхи знали, что наезднику побыть с Гришей одно удовольствие, и заторопились на круг.

Заезды шли на редкость интересные, от конюшни Григорьевой больше никто не участвовал, все чувствовали себя вольготно, смотрели соревнования до конца. Григорьева тоже следила за состязаниями до последнего заезда, а затем, то есть в девятнадцать часов, вернулись все на конюшню.

Логинов лежал в стойле Гладиатора, на виске старого мастера уже запеклась кровь.

Начальник отдела уголовного розыска полковник Кон-

стантин Константинович Турилин встретился со следователем прокуратуры лишь через двое суток после убийства – происшествие было зарегистрировано как несчастный случай. Он ознакомился с протоколом осмотра, фотографиями, заключением врача и эксперта научно-технического отдела, следов волочения на обуви, одежде, теле и полу конюшни обнаружено не было. Турилин сделал естественный вывод, что Логинов либо был убит прямо в стойле, либо принесен туда после убийства. Посоветовавшись со следователем, Турилин решил факт убийства гласности не придавать, пусть преступник считает, что инсценировка несчастного случая обманула следствие. Сотрудников тренотного деления допросили, выяснили, что в период с семнадцати до девятнадцати часов все они следили за соревнованиями и находились в поле зрения друг друга. Следователь вел допросы таким образом, словно он пытался установить, не виновен ли кто в пьянстве Логинова, не было ли у него собутыльника, напоминал о Постановлении по усилению борьбы против пьянства. Нет, никто не уходил, все стояли недалеко друг от друга. Сначала возникла версия, что Григорьева ушла с круга на несколько минут раньше всех. Так заявил конюх Рогозин, которого допрашивали первым, но затем все остальные и сама Григорьева это категорически отрицали. Рогозин же при повторной беседе, сославшись на память, признал ошибку и взял свои показания назад. Ни следователь, ни Турилин не верили, что подобное убийство могла совершить женщина, да и врач кате-

горически утверждал, что удар был нанесен очень сильной рукой.

Итак, предстоял розыск убийцы. Турилин долго думал, кому из сотрудников его поручить, и остановился в конце концов на кандидатуре Гурова.

Когда три с лишним года назад Лев Иванович Гуров пришел в отдел, Турилин встретил его крайне сдержанно. Папа – генерал, мама – врач, сам мальчик, а иначе Леву тогда и назвать было нельзя, производил впечатление существа инфантильного и избалованного. Во время получасовой беседы с Турилиным он несколько раз краснел. Константин Константинович не считал, что работа в розыске требует недюжинной физической силы и отчаянного мужества, однако определенная специфика имеется. Льву Ивановичу Гурову, по мнению полковника Турилина, работавшего в розыске с сорок седьмого, профессия сыщика была противопоказана.

«Дурью мучается. На романтику потянуло, – сказал тогда Турилин начальнику управления кадров. – Не возьму, простите, товарищ генерал, у меня и без вашего Левы забот хватает». Генерал посмеялся вместе с полковником, однако не согласился, объяснил, что парнишка окончил университет с отличием, серьезно увлекается психологией, мама у него в данной области классный специалист, в общем, Гурова настоятельно рекомендуют, согласие начальника городского управления получено.

Льва Ивановича Гурова зачислили приказом, лейтенант,

инспектор Управления уголовного розыска начал свою деятельность в отделе по борьбе с особо опасными преступлениями. Турилин отнесся к новому подчиненному подчеркнуто беспристрастно, направил его в самую сильную группу, где было у кого поучиться, мол, послужи, голубчик. Быстренько тебе надоест, уволишься, устроит тебя папа портфельчик по ковровым коридорам таскать, не волнуйся, все будет ладушки.

Группа, в которую пришел Лева Гуров, считалась в отделе лучшей. Руководитель – пятидесятилетний подполковник Трофим Васильевич Ломакин – единственный человек в группе, не имевший высшего образования. Семь лет он заочно учился в высшей школе, закончил лишь три курса, однако специалистом был классным, асом розыскного дела. Были в группе два брата-близнеца Коля и Толя Птицыны. Майоры тридцати четырех лет, в розыске двенадцать, оба окончили университет, и фамилия им скорее подошла бы Орловы, Соколовы, а злые языки утверждали, что и Стервятниковы тоже. Когда в группе появился Лева, братья, глазом не моргнув, свалили на новичка всю грязную работу. Лева не плакал, пахал, молчал и в группе прижился. Турилин давно собирался поручить Гурову самостоятельное дело. Соответствовал Гуров и еще одному требованию – был абсолютно не похож на сотрудника милиции. Жена Турилина как-то на торжественном вечере сказала: «Только не уверяй меня, Костя, что тот вон голубоглазый высокий юноша с руками Кли-

берна тоже у тебя работает». Турилин отшутился, что этот артист, конечно, не работает, но высказывание жены запомнил.

Дело по убийству на ипподроме Турилин взял под личный контроль, определив группе Ломакина три основные линии работы.

Первая. Месть из-за женщины, какая-либо ссора в личной жизни.

Вторая. Преступник воевал вместе с Логиновым. Что-то компрометирующее о преступнике Логинов знал.

Третья. Преступление связано с деньгами, которые преступник получил либо собирался получить на ипподроме.

Так Турилин с Гуровым и назвали версии: личная, военная и ипподром. Опыт розыскной работы подсказывал, что реальнее всего третья версия, но работа в розыске почти всегда основана на принципе: обнаружить искомое можно, лишь отбросив все ненужное. Ведь сказал кто-то: статую создать крайне просто, надо взять глыбу мрамора и отколоть все лишнее.

Версии личную и военную Турилин поручил отработать братьям Птицыным. Они выслушали полковника с улыбкой, братья были сыщики из настоящих, поэтому прекрасно понимали, что они убирают шлак, очищают подход Гурову, так как вгрызаться в настоящую породу досталось именно ему. Братья работали серьезно. Они на своем опыте прекрасно знали, сколько раз Леве станет казаться, что он идет по лож-

ному следу. Если все боковые версии будут вымощены безукоризненно, он станет упорнее, увереннее, от его уверенности зависит успех.

Турилин выслушал Левин отчет о первом дне, передал ему рапорты Птицыных и спросил:

– Кто он такой, этот убийца? Расскажите мне о нем, Лева.

Гуров облокотился на стол, очень по-детски подпер ладонью щеку, так малыши готовятся слушать вечернюю сказку, долго молчал, наконец, задумчиво глядя куда-то вверх, проговорил:

– Зависит от мотивов, Константин Константинович. Грубо рассуждая, последних может быть два. Месть, расплата за неудачу. Второе – захват добычи. В первом случае убийство совершено с заранее обдуманым намерением, заранее продумана инсценировка несчастного случая. При втором варианте убийство могло быть совершено спонтанно. Неудача. Вспышка. Состояние аффекта. Удар. Осознание, испуг, инсценировка. Отсюда – две разные модели человеческой психики.

– Я запрошу справку о результатах всех заездов за последний месяц и о денежных выплатах. Вам же следует в кратчайший срок установить круг лиц на соседних конюшнях, которые могли находиться на улице с пяти до семи вечера и могли видеть проходившего человека. Следователь их допросит. Главное же, Лева, вот в чем: нам с вами не разобраться в тонкостях бегов, тотализаторных делах и за год. Вы должны

найти на конюшне человека, которому можно довериться. Вам нужна помощь профессионала. Он объяснит вам психологию заездов того дня, вы сделаете соответствующий вывод и доложите о нем мне. Что-то произошло, чего нам с вами не дано понять. Что? Найдите человека, который вам ответит на этот вопрос, и вы очень продвинетесь.

Глава 3

На следующий день была пятница, в восемнадцать начинались бега, они проводятся по воскресеньям, средам и пятницам. Лева подошел к ипподрому около четырех, кассы еще не открывались, однако у главного входа уже собирались завсегдатаи, шелестели программками, обсуждали результаты проходивших в среду и прошедшее воскресенье заездов. Позднее Гуров узнал, что настоящие игроки судят не только по родословной лошади, наезднику и последнему результату, но придают большое значение разминке.

Все это Лева узнал через несколько дней, сегодня же с удивлением смотрел на людей, стремящихся попасть на трибуны за два часа до начала. У многих из присутствующих на груди болтались полевые бинокли, а у иных даже секундомеры. Лева не курил, однако сигареты и зажигалку всегда имел при себе: угостить сигаретой или попросить спичку – простейший способ знакомства. Так и сейчас, слоняясь между собравшейся у центральной колоннады публикой и слушая русские, но почти непонятные слова и выражения, Лева неторопливо достал пачку сигарет, зажигалку, медленно вынув сигарету, стал ее разминать.

– Брось мне заправлять, все не так было, – говорили рядом. – В середине дистанции повел Секрет, после посылы хлыстом плохо сбился, закинулся и съехал.

– Веселая сегодня в хороших шансах считается.

– А я говорю, что второй подошла Пихта.

– Капитальный жеребец или нет? Ты мне скажи, скажи?

Никто никого не слушал, на вопросы не отвечал, каждый говорил свое. На Левину сигарету не обращали внимания, он сунул ее назад в пачку. Слушая разговоры знатоков, Лева убеждался, насколько прав Константин Константинович, самому разобраться в бегах невозможно. Однако совет Турилина открыться перед кем-нибудь в тренотделении Григорьевой Леве тоже не нравился. Наставника следует искать здесь, среди завсегдатаев.

В стоявшей неподалеку группе мужчин кто-то громко сказал: «Гладиатор». Лева, услышав знакомую кличку, подошел ближе.

– Не так проходил заезд, не так, – доказывал какой-то шикарно одетый мужчина с огромным золотым перстнем на пухлой руке. – С первого номера повела Веселая. При выходе из поворота ее перехватил Гастролер. Гладиатор шел третьим, на втором повороте он выдвинулся и с поля вступил в борьбу с Веселой. А по бровке ее захватывал Гастролер, и Веселая сбилась. Тут Борис, – Гуров догадался, что рассказчик говорит о покойном наезднике Логинове, – в сильном посыле удержал Гладиатора на полкорпуса впереди Гастролера.

– Зачем мудрить-то было? – спросил неказистый мужчина и бесцеремонно взял из пачки Гурова сигарету (Лева забыл,

что все еще держит их в руках). – Нина на Гладиаторе как на противоположную прямую выходит, выезжает вперед на два корпуса, так и привозит их за милую душу.

– Верно, что Логинова зарезали?

– Ну, трепачи. Сегодня хоронили, я сейчас с кладбища.

Поддал Борис, упал, виском об железяку...

– Говорят, его Гладиатор стукнул...

– Разве Гладиатор может ударить наездника, ты что, ошалел?

– Да спился Борис. Видал, как ипподром в него не верил?

За Гладиатора дают три целковых. Нина ехала бы, так за Гладиатора в одинаре рупь тридцать давали бы. Борька ехал, против и играли, считали, проиграть может.

– Кто-то крупно играл против Гладиатора. Сотенную поставил, верно говорю?

– Сто? – Мужчина с перстнем рассмеялся. – Больше, гораздо больше.

– Когда едет Гладиатор, я вообще не играю, – сказал маленький мужичонка, все одобрительно закивали. – Он выигрывает – копейку получишь, против него играть – дураком надо быть.

– Вот-вот, а кто-то против него такие деньги зарядил. На что человек рассчитывал?

Открылись кассы. Разговоры прервались на полуслове, и все устремились на ипподром. Лева пошел в обход, к конюшням.

Обогнув ипподром, он оказался у служебного входа, ведущего непосредственно к конюшням, достал свою бумажку из редакции, гадая, возымеет ли она необходимое действие. На него никто не обратил внимания, точно так же, как и на конюшне, где все было иначе, чем вчера. Ни тишины, ни покоя, все чем-то заняты, если и отвечают на приветствия, то лишь рассеянным кивком. Лева все-таки удалось перебраться несколькими фразами с конюхами, он узнал: кормят лошадь за четыре часа до езды, за полтора проминают, затем вытирают пену, перебинтовывают ноги. Лева записал все в блокнот.

У конюшни прогуливались люди, обстановка свободная, внутрь может войти кто угодно. Прогуливаются жены наездников и конюхов, проявляют интерес к результатам заездов, знают лошадей по именам, иногда держат их при мытье.

Приехала с разминки Нина, отдала лошадь, пересела в другую коляску и вновь уехала. На Гурова она даже не взглянула.

Вокруг все в непрерывном движении: распрягают, моют, поят, прогуливают, выводят, вновь запрягают.

– Что же ты такой дурак? Когда ездить научишься? – слышался укоризненный голос Нины. Гуров стоял в стороне, понимая, что она проиграла и сейчас ей не до разговоров.

Снова все убежали на круг, Гуров один бродил по конюшне, старый Рогозин вилами ворошил сено. Очки, сползающие по потной переносице, делали его похожим скорее

на бухгалтера, чем на конюха. Гурову стало стыдно своей праздности и никчемности, он предложил конюху помощь.

– Не надо. Мне помогать не надо, – раздраженно ответил Рогозин, почти крикнул, воткнул вилы и ушел в темноту конюшни. Леве казалось, что оттуда, из темноты, стекла очков сердито поблескивали в его сторону. Рогозин переживает смерть Логинова? Они были ровесниками. Присутствовал Рогозин сегодня на похоронах или нет? И ему, Гурову, не мешало бы сходить. Шляпа. Первое самостоятельное дело, надо работать, он же топчется здесь без толку.

– Молодец. Только что ты на дорожке выделывал? – К конюшне подъехала на взмыленной лошади Григорьева. – И чеку порвал зачем? И что это за лошадь такая несуразная? Стой, говорю.

Коля уже выпрягал, излишне суетился, сиял веснушками. Нина пыталась сохранять серьезность, однако улыбка светилась в глазах.

– Молодец, Нинок! – крикнул, направляясь в соседнюю конюшню тоже на взмыленной лошади, наездник. Гуров услышал, как он говорил своему конюху: – Как выиграла, как выиграла, стерва.

– Так ведь дочка Петра Степановича, – распрягая, отвечал конюх. – Кровь одна. Династия.

А Нина, присев у ворот конюшни на какой-то ржавый каркас, прихлебывала из пакета молоко и смотрела, как Коля и Рогозин запрягают гнедую кобылу. Лошадь перебирала но-

гами, казалось, ей доставляют удовольствие многочисленные ремни, железный мундштук она взяла охотно, при этом все время косилась на Нину, отлично понимая, что эти двое сейчас уйдут, а Нина сядет сзади, возьмет вожжи и хлыст.

– Нина Петровна, – уныло заговорил Коля, и Гуров понял, что конюх сейчас начнет просить. – Нина Петровна, – повторял он еще протяжнее, поглаживая лошадь и выглядывая из-за нее, как из засады.

– Да черт с тобой, делай как желаешь. – Нина смяла пустой пакет, вытерла ладонью лицо и взяла у Рогозина вожжи. – Балуешь парня, Михалыч. Он же этого абсолютно, – произнесла она длинно, нараспев, – не стоит.

Только она отъехала, как Коля обернулся к Рогозину:

– Классный мастер, скажи? Как Алмаза привела?

– Топай, топай. Связал Алмаза с Верочкой? – Рогозин взглянул в сторону ипподрома. – Может приехать, вполне может, – пробормотал он и ушел в глубь конюшни.

Коля через приятелей поставил деньги, хотя работникам конюшни играть категорически запрещалось. Он поставил на дубль Алмаз – Вириная. На Алмазе Григорьева выиграла, теперь Колин успех зависел от резвости Верочки и мастерства наездницы. Конюх стряхнул с себя ковбойку, направился к крану и только сейчас заметил Гурова. Смотрел на него долго, решая, слышал или нет, коли слышал, то понял ли? Гуров спокойно выдержал взгляд конюха, открыл блокнот и записал: «Конюх Коля играет».

– Пишешь? – Коля начал мыться, брызгаясь и фыркая, продолжал: – На час раньше уйду, а разговоров-то, будто Михалыч один Верочку не примет и не умоет. Последняя от нас пошла, понял? Так что ты зря тут стоишь.

– А бега еще не кончаются? – спросил Гуров.

– Шесть заездов осталось.

– Строгая у вас начальница, – поддерживая разговор, сказал Гуров. – Наверно, при Логинове легче жилось?

Коля сосредоточенно мылся, Гуров решил уже, не дождавись ответа, идти на круг, когда конюх прополоскал рот и сказал:

– Я у него не работал, пришел, уже эта заправляла. – Взглянув на Гурова, он неожиданно рассмеялся и подмигнул. – А ведь кто-то ее... а? Целует кто-то, говорю, а?

– Думаю, что это не интересно, – ответил Лева. Ему не понравился такой оборот разговора.

– Чего? Нинка не интересна? – Колька поперхнулся от возмущения. – Ты чего понимаешь, писатель? – Со стороны поля донеслись частые удары гонга. Коля плюнул Гурову под ноги и убежал внутрь конюшни.

Гуров пошел к трибунам. Он один пересекал широкое поле, казалось, все зрители только на него и смотрят. Наконец поле кончилось, у калитки стояла женщина с повязкой, Лева представил, как бы на его месте поступили Птицыны, и вместо уже почти слетавших с языка: «Здравствуйте, извините, пожалуйста», коротко обронил: «Пресса» – и прошел

на трибуны. Они напоминали трибуны стадиона, только публика здесь в основном не сидела, а стояла, ходила, даже бегала. Под ногами – настил брошенных билетов тотализатора. Совсем недавно все эти картонные квадратики были рублями. Гуров выбрал одиноко стоявшего мужчину, который нетерпеливо поглядывал на электрическое табло, и, протянув пачку сигарет, сказал:

– Простите, пожалуйста, у вас спички не найдется?

Мужчина взял сигарету, чиркнул зажигалкой, они закурили.

– Простите, я в первый раз...

– Молодец, и не ходи сюда, – перебил Гурова мужчина. – Дурачково поле. Помнишь, Буратино золотые закапывал?

– Кот Базилио, лиса Алиса. Помню. – Лева рассмеялся.

– По кругу ездят коты и лисы, а мы здесь деньги закапываем и ждем.

– Я не играю, – сказал Гуров.

– Молодец, – ответил мужчина, не сводя глаз с электрического табло. Наконец там появились цифры, мужчина выругался. – За Нинку полтора целковых. – Он показал Лева несколько билетов. – Играл ее пятеркой.

– Теперь семь пятьдесят получите?

Мужчина вздохнул и отвернулся; воспользовавшись случаем, Лева выбросил сигарету. Неожиданно мужчина схватил его за рукав.

– В первый раз здесь? Не играл никогда? – Лева кивнул,

мужчина сунул ему мятую, исчерканную карандашом программку. – Кто в следующем заезде выиграт?

Лева растерянно перелистнул программку, догадался, что прошел седьмой, значит, нужен восьмой заезд. Десять лошадей, указаны наездники, какие-то цифры. Лева понимал, что мужчина верит в счастье новичка, и выбрал кобылу с красивым именем Лесная Бабочка. Мужчина вздохнул и лишь махнул на Леву рукой, затем долго рассматривал программку и свои записи, сходил к кассам, сделал ставку и вернулся. Лева за это время съел пирожок с неизвестной начинкой. Мужчину, как выяснилось, звали Сеня, о бегах знал абсолютно все. Не глядя в программку, Сеня без запинки называл отца и мать любого рысака, знал, из какого рысак тренотделения. Он с гордостью сообщил, что посещает «дурачково поле» (иначе ипподром он не называл) третий десяток лет.

На табло появились новые цифры: семь и три, напротив – двенадцать. Сеня дал пояснения: Алмаз ехал под седьмым номером, Верочка под третьим, выиграла комбинация семь – три, двенадцать – сумма выигрыша.

– Простите, я вам надоел, возможно, – Лева виновато улыбнулся. – Как же могло получиться, что в прошлое воскресенье, мне здесь рассказывали, за Гладиатора в одинаре три рубля платили? Он же известный жеребец. Дербист и рекордист. Почему на него не ставили?

– Смысла нет, – ответил Сеня. – Если все на одну лошадь ставят, выигрывает лишь ипподром.

– Однако платили три за рубль, – рассуждал Лева. – Сколько же людей против него играло?

– Ну, лишнего не заплатят, дорогой, – уверенно ответил Сеня. Услышав частые звуки гонга, сзывающего лошадей на старт, он повернулся к Лева спиной, смотрел, как лошади по двум бровкам друг за другом медленно направились к старту, развернулись к стартовым столбам. Перед лошадьми ехал «Москвич», сзади у него были развернуты как бы самолетные крылья, которые удерживали лошадей в одной шеренге. «Москвич» разогнался, убрал свои крылья, раздался гонг, и лошади понеслись. Лева хотел еще поговорить с новым приятелем, однако Сеню сейчас ничто не могло отвлечь от бега.

Лева взглянул на «великого лошаdnика» Сеню, решив вернуться к их разговору несколько позже. Он чувствовал, что получил ценную информацию, обрабатывать ее следует в спокойной обстановке.

Он шел под трибунами, вдоль ограды, решил подняться, взглянуть на поле и бегущих лошадей сверху.

– Писатель! – крикнули из ложи, он повернулся и увидел конюха Колю. – Иди к нам, писатель.

Коля, одетый франтом, с еще мокрыми от недавнего мытья волосами, занимал с компанией целую ложу. Лева раскланялся, назвал себя, в ответ услышал: Аня, Наташа. Какой-то мужчина, лет около сорока, сидел, облокотившись на парапет, чуть привстав, он учтиво наклонил голову, имени не назвал, но улыбнулся открыто, покосился на Колю, вновь

улыбнулся, словно извиняясь передлевой за своего приятеля, который столь бесцеремонно окликнул его, отодвинул стоявший рядом с ним пустой стул и жестом пригласил «писателя». Только когда Лева сел, мужчина представился:

– Крошин Александр Александрович.

– Очень приятно, – ответил Лева и повернул свой стул так, чтобы не сидеть к девушкам спиной.

Александр Александрович положил ему руку на плечо и вновь улыбнулся.

– Бросьте, Лев, здесь на такие мелочи не обращают внимания. – Имя Гурова прозвучало у него очень естественно, Лева не уловил насмешки. – Слышал, собираетесь писать. Статья, очерк или что-то более серьезное? – Глаза у Александра Александровича были лукавые и очень молодые. «Он не намного меня старше, – подумал Лева, – только держится не в пример мне очень уверенно и солидно».

– Журнал заказал очерк, – ответил он после небольшой паузы.

– Как здоровье Кирилла Петровича? – спросил Александр Александрович, делая какую-то пометку в программке.

Лева очень скверно запоминал имена и фамилии. Кто такой Кирилл Петрович? Он, вероятно, работает в журнале, на бланке которого была отпечатана бумажка, открывшая Леве ворота ипподрома. Не главный редактор, с которым Лева познакомился, получая задание. Может быть, зам? Или ответственный секретарь? Кто он, этот Кирилл Петрович? Как его

здоровье? Может, неделю назад у него был инфаркт или он попал в автомобильную катастрофу? Или вопрос о здоровье Кирилла Петровича дежурная шутка в редакции, так как он какой-нибудь чемпион?

Александр Александрович сложил программу, смотрел Лева в глаза и ждал ответа.

– Спасибо, на здоровье он мне не жаловался, – ответил Гуров, считая, что инфаркты и катастрофы – вещь довольно редкая, а на все остальные случаи жизни ответ годился. Во избежание дальнейших осложнений, Лева решил перехватить инициативу. – Я второй раз на ипподроме, очень интересно и совершенно непонятно.

– Я здесь почти каждый игровой день, – ответил Александр Александрович. – Тоже разбираюсь слабо.

Кто-то из девушек хихикнул, Александр Александрович взглянул строго, затем улыбнулся, не выдержал и рассмеялся. Хорошо он смеялся, мягко, искренне.

– Меня считают асом, – пояснил он Лева, – только потому, что, играя регулярно, я не оставляю здесь зарплату.

Начинался очередной заезд. Лошади приняли сразу. Лева увлеченно следил за бегом. Вперед сразу вырвалась гнедая лошадь, наездник был в красном камзоле и красной шапочке, он ярким пятном выделялся среди зеленых, синих и белых соперников. На повороте разрыв увеличился, на трибунах одобрительно шумели. Лева, заглянув в программку Александра Александровича, спросил:

– Какой это номер?

– Второй. Ринг, – ответил Александр Александрович, – едет на нем Виталий Тенин. Ринг отличный рысак, почти равный Гладиатору.

На последней прямой разрыв между лидером и ближайшими конкурентами составлял метров тридцать, наездник ослабил вожжи и неторопливо финишировал под дружные аплодисменты. Ринг нес славу достойно, бежал, скромно опустив голову, как бы впечатывая стальные копыта в дорожку.

– Красавец, – сказал Лева, поворачиваясь к девушкам. – Верно, девчата?

Как зовут девушек, Лева не помнил, но, взглянув, понял, что недавно смеялась, конечно, брюнетка. Хрупкая, изящная, она быстро, как-то по-мальчишески курила, ей, безусловно, хотелось говорить и двигаться, однако она сидела молча, закинув ногу на ногу. Лева сидел на ступеньку ниже и, повернувшись, почти ткнулся лицом в обтянутые ажурными чулками колени. Девушка быстро оглядела свои ноги, насмешливо взглянула на Гурова, как бы спрашивая: «Здорово, верно?»

Уши у Левы уже пылали, всегда начиналось с них. Коных Коля о чем-то шептался с двумя подошедшими ребятами. Вторая девушка была мягкая и женственная, сидела, свободно откинувшись, полулежала, вытянув ноги. У нее были каштановые длинные ухоженные волосы, девушка смот-

рела на Леву неприятно равнодушно и цинично. Сдерживая зевок, девушка отвела взгляд и, видимо, на какой-то знак Александра Александровича, ведь больше сзади Гурова никого не было, капризно надула губы и, лениво выговаривая слова, спросила:

– Простите, вы что-то сказали?

В некоторых случаях Лева умел быть злым и решительным. Он легко поднялся, поклонился Александру Александровичу, который тоже встал, пытаясь удержать Гурова.

– Благодарю, очень приятно было познакомиться, – сказал Лева, не подчеркивая, однако и не скрывая насмешки. – Всего доброго. – Поклонившись девушкам, он вышел из ложи.

Он действовал импульсивно, не отдавая себе отчета, почему так резко распрощался и ушел. Ему не понравилась атмосфера в компании.

Остался один заезд. Интересно, Григорьева еще на конюшне? Хорошо бы ее застать, Гуров шел быстро, почти бежал, однако конюх Коля догнал его, остановил и, задыхаясь, спросил:

– Ты чего? Обиделся, что ли?

– Я? – Гуров сделал шаг назад, оглядел Колю. Хорош. Джинсы, замшевая курточка, фирменная рубашечка. Он взял растерявшегося конюха за лацкан, взял грубо, а заговорил очень мягко. – Старайтесь быть вежливым, Коля. Старайтесь, вежливость вам в жизни не повредит. – Лева вновь торопливо зашагал к конюшне.

Коля трусил рядом, торопливо говорил:

– Извините, не хотел обидеть, думал, можно по-простому.

Поймите, Лев, простите, не знаю вашего отчества, у нас не разрешают ходить на трибуны. Нина Петровна может меня выгнать.

Лева понял, что конюх не отстанет, хотел спросить: зачем же ты меня окликнул? Я шел и не видел тебя. Лева не спросил, остановился, вздохнув, медленно произнес:

– Идите, Коля. Идите, я даже в школе не ябедничал.

Коля отстал, Гуров прибавил шагу и вскоре оказался у конюшни. Навстречу шли три женщины и Рогозин. Плотная, однако стройная молодая женщина с русыми коротко стриженными волосами строго спросила у Гурова:

– Вы где были? – Лишь по голосу Лева узнал Григорьеву. – Не расслышали? Я спрашиваю, где вы были?

– На трибунах, – ответил Лева, совершенно не понимая, почему отчитывается.

– Я вас прошу, – приказным тоном сказала Нина, повернулась к спутникам: – Минуту. – И пошла назад к конюшне, не сомневаясь, что Гуров идет следом. Он действительно шел. – Я вас прошу, – входя на конюшню, повторила наездница. – Либо здесь, либо там.

– Меня интересуют не только лошади, но и люди. – Гуров остановился у стойла Гладиатора, Нина прошла дальше одна, повернулась и громко повторила:

– Либо здесь, либо там. Вы наверняка достаточно побы-

вали на трибунах. – Она остановилась у висевшего на стене ящика, где в разных отделениях-ячейках лежали подковы, персональные для каждой лошади. Тоненькие точеные подковы, согнуть такую, пожалуй, сумеет любой мужчина. Нина придирчиво оглядывала какую-то пару. Лева подошел и спросил:

– Простите, Нина, почему вы считаете возможным разговаривать со мной в подобном тоне?

Нина резко повернулась, тряхнула влажными волосами, нахмурилась. Гуров смотрел сверху вниз, смотрел твердо, он знал, что, если сейчас проиграет, его выставят с конюшни. Ведь ей легко и просто зайти в дирекцию и попросить перевести писателя в другое треноотделение. Гуров чувствовал: чаша весов колеблется, сейчас Нина ответит, ответ станет окончательным.

– Нехорошо, – добавил Лева, и его чаша перетянула.

Нехорошо. Лева любил это слово, часто им пользовался. Простое, мягкое, оно, никого не обижая, касалось чего-то сокровенного, возвращало в детство. Лева часто наблюдал, как люди, не реагируя на какие-то слова, услышав, что поступают плохо, вспыхивали, смущались, пытались объяснить, что жизнь штука сложная, затем понимали, что прячутся за слова. Нехорошо.

– Писатель. Психолог. – Нина наклонилась к подковам, вновь выпрямилась, подняла голову. Она доставала Лева лишь до плеча. – Я вас очень прошу: в тот день, когда вы

работаете на конюшне, не ходите на трибуны. Хорошо? Выберите для этого, пожалуйста, другой день.

– Постараюсь, – уклончиво ответил Гуров, заговорщицки глядя на руки наездницы, которые перебирали подковы. Лева вспомнил, как она держала лошадь. Натянутые вожжи, натянутые вожжи – и так день за днем, день за днем. Какая же сила должна развиться в руках у молодой женщины? Как ловко она держит подкову, а ведь она лишь в передней части округлая, а концы у подковы острые. Лева вспомнил строчки из заключения экспертизы: «Удар нанесен острым металлическим предметом. Удар был очень сильным, и маловероятно, что его могла нанести женщина».

– Смотря какая женщина, как вы считаете, Нина Петровна? – неожиданно спросил Гуров.

– Вы о чем? – Нина все возилась с подковами, и Гуров незаметно взял одну из подков, сунул в карман.

– Не понимаю, о чем вы? – Нина бросила подковы, отложив свои заботы, смотрела на Леву, ждала ответа.

– Вы очень меняетесь, когда снимаете свою рабочую форму. – Лева был уверен – протяни он руку, тотчас получит полновесную затрещину. Он стоял не двигаясь, как это делает каждый, входя в чужой сад, где к нему подбегает здоровенная овчарка.

Нина немного оттаяла и с сарказмом спросила:

– Начнете ухаживать?

– Обязательно, как я могу устоять? – чистосердечно отве-

тил Лева.

– Ну, ну! – Нина рассмеялась, направилась к выходу. – Я люблю розы, только обязательно на длинном стебле, шашлыки и кататься на такси.

– Запомнил, – ответил Лева. – Вас подвезти?

– Спасибо, – ответила Нина, направляясь к ожидавшим ее подругам.

Гуров остался у конюшни, хотел было туда вернуться, но ему преградил дорогу седой старик с ведрами в руках. Старика этого Гуров раньше никогда не видел на конюшне.

Глава 4

Кирилл Петрович оказался фотокорреспондентом журнала. В прошлом году он делал фоторепортаж с ипподрома. Стало ясно, откуда Александр Александрович его знает. Лева составил список всех сотрудников журнала, выучил имена, отчества и фамилии, как дети учат иностранные слова. Была суббота, познакомиться с сотрудниками было невозможно. Заучив имена, отчества, фамилии и должности сотрудников редакции, Лева спрятал список и вытащил из сейфа справки, рапорта – в общем, все материалы, которые раздобыли братья Птицыны, изучая личную жизнь покойного наездника Бориса Алексеевича Логинова.

Некоторые полагают, что сотрудники уголовного розыска с удовольствием работают без выходных. Это несколько не соответствует действительности. В субботу и воскресенье люди идут на работу лишь в случае необходимости, причем крайне неохотно.

Однако бега состоятся в воскресенье. Следует подготовиться, поэтому в субботу Лева загорал в кабинете, а не на пляже.

Материал на Логинова не представлял ни малейшего оперативного интереса. Воевал, два ордена, четыре медали, затем двадцать семь лет работал на ипподроме. Тридцать восемь различных наград и семь выговоров, последние три за

появление на работе в нетрезвом виде.

Жил Логинов в маленькой двухкомнатной скромно обставленной квартире, жильцами дома характеризовался как исключительно скромный, порядочный человек. Бывало, у него занимали, реже он занимал деньги, суммы все незначительные – десять, двадцать рублей. После смерти жены жил одиноко, изредка сестра зайдет. Порой Логинов не приходил ночевать – болел ночной конюх, и старый наездник дежурил за него.

Все материалы аккуратно подшиты и пронумерованы, сверху приложена записка: «Левушка, ты на правильном пути. Ты кузнец нашего общего счастья, честь, знамя, светоч группы. Долгих лет жизни и удачи. Твои верные подданные, братья Птичкины. P.S. Лева, это хорошо или не хорошо?»

Издеваются, черти. На песочке сейчас нежатся. Нет, скорее свою любимую клубнику на даче собрали, сидят в качалках, выбирают из блюдечка сначала какую похуже, самые сочные оставляют под конец. Хорошо.

«Кузнец и светоч» отложил бумаги, повертел в руке подкову, которую взял вчера на конюшне.

Нина Григорьева, молодые наездники Василий Жуков и Петр Семин, конюхи – Михаил Яковлевич Рогозин и губошлеп Коля. Один из них либо убийца, либо пособник. С наездниками Лева еще не познакомился, сказать о них ничего не мог. Коля робок и добродушен, убийцей, конечно, быть не может, а в пособники умный преступник такого парня не

возьмет. Нина и старый Rogozin.

Рогозин? Что он, Лева Гуров, знает о старом конюхе? Мало, до смешного мало. С него и следует начать, изучить, понять, разобраться в его психологии. Нет, начать следует с мотива преступления. Мотив даст возможность определить психологическую модель личности преступника. А это чуть ли не больше, чем словесный портрет. Тогда ненужное отпадет, останется один, максимум два человека.

Итак, мотив.

Убийство с целью обогащения, видимо, отпадает, так как ни денег, ни иных ценностей у Логинова не было. Убивать из мести? За что? Женщина? Несерьезно. Логинов обманул убийцу, нанес ему ущерб? Возможно.

Лева составил список подозреваемых, отнес в картотеку, вернулся в кабинет и задумался о Нине Григорьевой. Двадцать восемь лет, наверное, замужем была. Почему была? Нет, сейчас точно незамужняя, чувствуется в ней свобода и независимость. Жены, они все с сумками, пакетами, вечно домой торопятся, озабоченные.

За что Нина могла мстить Логинову? Мотив? В своих рассуждениях Лева, описав окружность, вернулся к отправной точке, взял подкову, покрутил, приложил к виску, она оказалась холодной. В понедельник Лева отнесет подкову экспертам. Категорического заключения: мол, таким и только таким предметом нанесли смертельный удар, конечно, он не получит. А вот в следующей формулировке Лева не

сомневался: «Рассмотрев... сравнив... тщательно исследовав... удар мог быть нанесен острым концом конской подковы».

Лева положил подкову на стол, все свои рассуждения расставил по местам.

Удобное место конюшня, ситуация предельно подходящая. Время убийства? Идут интереснейшие заезды, все свободные от работы наездники и конюхи находятся в трехстах метрах, на кругу. Вновь Лева представил длинные белые здания конюшен, ленивые собаки, пропасть собак. У тренотделения Григорьевой никого, но от соседних конюшен участвовало в последних заездах, если верить воскресной программе, восемь лошадей. Значит, шестнадцать раз пробежали конюхи и шестнадцать раз проехали наездники. Графика никакого составлять не стоит, непрерывное движение прямо мимо ворот, через которые надо войти, а затем выйти. Страшно, очень страшно, как же он рискнул? Неужели нет лучшего времени, чем с семнадцати до девятнадцати? Уйма. Такого времени уйма. Любой день, когда нет соревнований. Сколько он, Лева, бродил по конюшне, и никто не обращал на него внимания. Рассуждая о времени преступления, Лева натолкнулся на вопрос, который у любого здравомыслящего сыщика должен возникнуть едва ли не первым.

Почему Логинова убили в праздничный шумный день чуть ли не на глазах у изумленной публики, а не тихой ночью, когда наездник дежурил вместо заболевшего конюха? Та же

конюшня, тот же рысак, та же инсценировка. Все то же. Только тихо, спокойно, безопасно. Труп находят окоченевшим, работа эксперта затруднена. Умный, хладнокровный убийца, все его действия доказывают это, не станет без нужды рисковать. Так почему же не позже и не раньше, а именно в самое опасное время?

Гурова лихорадило, как он ни уговаривал себя не торопиться, мысли суматошно подталкивали друг друга.

Другого времени у убийцы не было. Почему? Ответ напрашивался сам. До воскресного дня отсутствовал мотив. Что же сделал Логинов в воскресенье днем?

Лева раскрыл дело и перечитал все протоколы допросов. Дотошный следователь прокуратуры максимально точно установил, где и когда находился Логинов в воскресенье.

Что же произошло в десятом заезде, который, как и полагалось, Гладиатор выиграл? Лева вспомнил Сеню, который вчера объяснял ему законы игры и правила оплаты выигрышей. За фаворита Гладиатора неожиданно платили непомерно высокую цену. Объяснение только одно: кто-то очень крупно играл против фаворита. Если бы Логинов на Гладиаторе проиграл, то кто-то загреб бы кучу денег. Может быть, Логинов обещал проиграть, а затем передумал и выиграл? Кто-то разорился в прошлое воскресенье, этот кто-то и убил Логинова. Убийца мстил не только за обман, за потерянные деньги, он убил, чтобы Логинов молчал о предложенной сделке. Если бы убийца мстил лишь за проигрыш,

он бы выждал, пришел бы ночью! Убийца, увидев результат заезда и оценив ситуацию, сразу явился на конюшню. Старый наездник ехал честно, он мог разоблачить махинацию, почти наверняка так бы и поступил.

Лева попробовал нарисовать портрет убийцы. Хорошая реакция. Мгновенно сориентировался и принял решение, инсценировка, почти импровизация, так как на тщательное продумывание нет времени. В конфликтной ситуации спокоен и решителен. Физически силен.

Сразу отпадают все, кроме Нины Григорьевой. Конюх Коля, Рогозин, мальчики-наездники не подходили ни по одной статье. Ну разоблачил бы Логинов. Увольнение. Все. Откуда у них деньги для подобной операции? Лева попробовал вернуться к изначальной позиции, затем вновь пройти по всей цепи рассуждений и выводов. Видимо, одна из основных посылок была ложной. Лева откинулся на спинку стула, решил отвлечься и отдохнуть. Он никогда не предполагал, что от работы за столом можно так уставать.

Лева взглянул на свое логическое построение со стороны. Ошибка возможна только в основании, в послышке, в предположении, что убийца работает на конюшне. Кто, кроме работников тренотделения, мог знать, что Логинов находится в конюшне один? Никто. Утверждение, что все они стояли на кругу, наблюдая за заездами, липа. В первых показаниях Рогозин говорил, что Григорьева ушла с круга на полчаса раньше. Завтра надо попробовать проверить их алиби. Вы-

яснить, где действительно находился каждый из них во время убийства. В понедельник, решил Лева, он доложит все свои соображения Константину Константиновичу.

Турилин устных докладов, тем более пространных рассуждений не любил. Лева переставил с тумбочки на свой стол машинку, снял с нее чехол, заложил два экземпляра и уже начал печатать, когда раздался телефонный звонок. «Мама», – решил Гуров и снял трубку.

– Гуров, – автоматически сказал он.

– Лева, спуститесь в картотеку, ваши справки готовы.

Лева мигом скатился на третий этаж, схватил со стола голубенькие листочки, перевернул. На обратной стороне одинаковые фиолетовые штампики: «Не значится», «Не проходит». Значит, никто из работников конюшни никогда органами милиции не задерживался.

Лева благодарно улыбнулся дежурной, которая говорила по телефону и лишь кивнула в ответ.

Он снова сел за машинку, и снова зазвонил телефон. «Теперь уж точно мама, больше никому, интересуется, когда приду обедать».

– Гуров. – Привычку называть свою фамилию по телефону он перенял у Трофима Ломакина. Коротко и ясно, слушает вас Гуров, и все тут.

– Здравствуйте, – услышал он незнакомый женский голос.

– Здравствуйте, – ответил он, пытаясь вспомнить голос и понять, кто говорит.

– Не узнавать своих знакомых невежливо, – девушка рассмеялась.

– Простите, мы с вами незнакомы, – уверенно ответил Лева. Голоса – не имена, на голоса память у него отличная.

– У вас плохая память, Лева. Ах вы, голубоглазый донжуан.

– Извините, вы ошиблись. Меня зовут Николай, глаза же у меня – темно-карие.

– Простите. – Девушка рассмеялась и повесила трубку.

Лева аккуратно положил трубку на стол, доносившиеся из нее частые гудки звучали как сигнал бедствия.

Номер служебного телефона знали дома да три приятеля. Даже если бы они решили его разыграть, то такую глупость о донжуанстве никто говорить не стал бы.

Он позвонил по другому телефону дежурному по управлению.

– Еще раз здравствуйте, Юрий Федорович. Гуров говорит. Номером моего телефона у вас не интересовались?

– Пять минут назад, Левушка. Однако не твоим. Позвонил какой-то мужчина, спросил, есть ли кто на месте из отделения Турилина.

– Вы назвали мое имя-отчество? – стараясь говорить сдержанно, спросил Лева.

– Нет, Лева, не назвал. Дал номер, сказал, что старший лейтенант Гуров. Ты ведь теперь у нас старший? А по какому поводу пожар?

– Позже, Юрий Федорович. А сейчас не сочтите за труд, выясните, пожалуйста, с каким номером соединен мой аппарат: восемь – девять – шестьдесят четыре.

– Слушаюсь, Левушка. Не клади трубку.

Теперь перед Гуровым лежали две телефонные трубки, одна тревожно гудела, другая молчала.

Если звонили из автомата, значит, Левины предположения верны, звонили по поручению преступника. Пока Лева сидел тут, выстраивал свои предположения, подгонял кирпичики, убийца...

– Лева? Алло! – Гуров взял трубку. – Должен тебя огорчить, звонили из автомата.

– Спасибо, Юрий Федорович, извините за беспокойство.

– Брось ты свои «извините», «пожалуйста». Что-нибудь не так? – встревожился дежурный. – Понимаешь, спросили не тебя, а отдел Турилина, я же знал, что ты на месте.

– Хорошо, хорошо. Спасибо, Юрий Федорович. – Гуров положил обе трубки на место.

Убийца забеспокоился. Появление на конюшне молодого писателя взволновало его. Видел преступник Леву лично или узнал о его визитах через кого-то? Знает, какой отдел занимается розыском убийц, знает фамилию начальника.

Лева взял полученные в картотеке бланки с результатами проверки. «Не значится». «Не проходит». «На учете не состоит». Никто из тренотделения не подходит. Нина тоже, даже теоретически не подходит. Вот здорово. Лева облегченно

вздыхнул и рассмеялся. Будем дарить цветы, угощать шашлыками, ездить на такси. Опять у отца занимать? Только расплатился, вновь долги.

Отец Левы – генерал-лейтенант, мама – доктор наук, семья жила очень обеспеченно. Его восемьдесят рублей, которые он отдавал домой ежемесячно, как говорится, в семейном бюджете погоды не делали. Когда он учился, стипендию ему позволяли оставлять на карманные расходы, начал работать – будьте любезны, мужик обязан деньги в дом приносить. Все считали такой порядок правильным. Нужно тебе? Возьми. Заработаешь, положишь на место. Дисциплина. Отец, вечно всем одалживающий, забывал, кто ему сколько должен, но копеечные долги сына он помнил отлично. Теоретически Лева с отцом соглашался, практически денег вечно не хватало.

Лева уложил бланки проверок в дело. Турилин говорил, что необходимо открыться кому-то из профессионалов конного дела, получать квалифицированные консультации. Он уже представлял, как вместе с Ниной ведет расследование, находит и изобличает убийцу. Лева повеселел, однако ненадолго, мысли вновь вернулись к телефонному звонку. Какую дополнительную информацию получил преступник? Фамилия – Гуров. В письме редакции Лева проходит как Шатров. Голос. Если убийца слевой разговаривал, то мог узнать голос. Каким образом? Звонили из автомата, значит, параллельный телефон исключается. Девушка во время разговора

передавала трубку? Нет, она говорила без пауз, а если слушать одну трубку вдвоем, не очень-то разберешь голос.

Что нового узнал он, Лева Гуров? Убийца видел его либо узнал о нем – следовательно, очень близок к конюшне. Данный факт и ранее сомнений не вызывал. Преступник подозрителен и обеспокоен. Мало. Он опытен, знает структуру аппарата управления, фамилию начальника. Кое-что. Он умен, раз сумел просчитать вариант: сотрудник, занимающийся розыском убийцы, должен в субботу, перед воскресным днем, когда вновь состоятся заезды, находиться в кабинете, просматривать материалы, которые выносить из стен управления не разрешается. Умен – также не ново. А вот способность к логическому мышлению уже характеристика. Такой склад ума значительно чаще встречается у мужчин, чем у женщин. Все это хорошо, плохо другое. Потерпев неудачу в Управлении внутренних дел, преступник, проверяя писателя, займется редакцией журнала. Писатель Л. И. Шатров не штатный сотрудник журнала, он лишь собирает материал для повести, одни его знают, другие – нет.

Семья Гуровых жила в большой четырехкомнатной квартире в самом центре города. Папа, мама, Лева и Клава, которая не считалась, а была на самом деле членом, если не главой семьи. Клава была значительно старше и генерал-лейтенанта, и доктора наук, а Левчика Клава вырастила, так как Александра (Левина мать) после войны все училась и на воспитание сына времени не оставалось. Сколько Клаве лет, ка-

жется, никто не знал, Лева утверждал, что у нее и паспорта нет и никогда не было. Звали эту маленькую сухонькую женщину Клавой совсем не панибратски, а в таком тоне, как говорят: мать или – хозяйка. Клава и была в доме хозяйкой, полновластной и довольно грозной. Все, не исключая отца, Клаву побаивались. Только в одном вопросе ее власть была сильно ограничена – в воспитании Левы. Воспитанием сына занимался сам генерал. Отец не собирался делать из него военного, был довольно сух, но внимателен и справедлив. Все его требования сводились к одному: будь человеком и мужчиной. Отметки и замечания в дневнике отца не волновали. Спросит лишь, за что, пожмет плечами, мол, тебе жить, думай сам. Держи слово, не будь трусом, не лги, не подводи друга, в общем, все то же: будь человеком и мужчиной. Приспособливаясь к требованиям отца, Лева усвоил два основных понятия: хорошо и плохо. Так они и остались слевой, простые и всеобъемлющие слова-символы. Отец не признавал полутонов, утверждая: все рассуждения о сложностях человеческой природы, которая якобы не может делиться на элементарные половинки, не что иное, как попытка плохое выдать за хорошее. От подобных рассуждений мама Левы хваталась за голову и говорила: «Ваня, Ваня, какой же ты дикий, невежественный человек». Мама Левы, отец звал ее Сашей, а Клава – Александрой, была по профессии психиатром. Занимаясь исследованием человеческой психики, познавая сложность ее организации и противоречивость, она

любила человека очень категоричного, не признающего ничего, кроме черного и белого.

Когда Лева был маленький, категоричность отца ему нравилась своей простотой и доступностью. Затем в какой-то период она его страшно раздражала.

Когда Лева учился в старших классах, мама начала подсовывать ему различные книжки по психологии. Книжки он с интересом или без оного прочитал, после чего поступил не в медицинский, а на юридический факультет. Мама расстроилась, а отец – нет. «Жизнь Левку определит, поставит на нужное место, – считал он. – Если нет, то грош ему цена, а нам с тобой, Саша, – три копейки».

Еще в университете Лева понял, насколько его родители самобытные люди. Осознав это, Лева долго взвешивал: хорошо это для него, Левы, или плохо? Существовали свои «за» и «против». «За» понятны, самым существенным «против» являлось стремление Левы к самостоятельности. Как-то сложилось, что вокруг него все время вращались сыновья и дочери, которые хвастались не собственными успехами, а положением отца или матери. Лева же хотел стать Львом Гуровым. Ведь никто не интересуется, кто папа у Льва Яшина? Чтобы стать Львом Гуровым, необходимо стать личностью. Вот и решай: хорошо это или плохо, когда рядом папа – генерал-лейтенант, а мама – доктор наук и к ней чуть не со всей страны приезжают советоваться. Как ни крути, а ты всего лишь их сын, иначе к тебе никто и не относится.

Когда Лева пошел работать в милицию, мама сказала: «Ужас. Я иногда, как следователи выражаются, с их «клиентами» сталкиваюсь. Почти стопроцентная патология». Папа же, пожав плечами, сказал: «Не артиллерия, однако работенка мужская». Клава посмотрела на папу, затем на маму и сказала: «Довоспитывались? В приличном доме милиционер будет жить».

В доме существовал установленный отцом обычай – делиться радостями и держать при себе неприятности. Попавшего в переплет деликатно опекали и никогда не расспрашивали. Каждый гордился своей сдержанностью, считал себя чуть ли не йогом, в крайнем случае – индейцем-команчем, по лицу которого невозможно определить, что именно он в данный момент чувствует.

Едва глянув на пришедшего с работы, Клава безошибочно ставила диагноз. Если следовало ворчание на остывшие котлеты, значит, все в порядке. Если Клава ставила еду молча, значит, так себе. Когда же она начинала суетиться и на столе появлялись неизвестно откуда извлеченные любимые человеком блюда, значит, плохо, «дела наперекосяк».

Логинова убили в воскресенье. Розыскное дело Лева завел во вторник, а в среду вечером Клава подала ему на ужин бутерброды с черной икрой. Лева очень любил черную икру. Клава ходила по квартире на цыпочках, шипела на Ивана и Александру, словно кобра. В четверг она их предупредила, что «милиционер» в пятницу, конечно, на дачу не поедет.

«Неожиданно», «так уж получилось», у отца накопились дела в городе, у мамы организовался «непредвиденный» консилиум. Клава заявила, что у нее давление, клубнику пусть черти собирают. Таким образом, в субботу и воскресенье вся семья осталась в городской квартире. В будни все ели в разное время и, конечно, на кухне, в выходной обедали обязательно в столовой, причем стол без всякой нужды раздвигался, будто их было не четверо, а двенадцать, покрывался белоснежной скатертью, доставался парадный сервиз, хрусталь. Лева называл такие обеды – парад-алле.

Когда Лева вернулся с работы, стол уже сверкал хрусталем, мама поставила в центре вазу с цветами, затем, решив, что цветы будут мешать, перенесла вазу на сервант.

– Добрый день! – крикнул Лева, направляясь в ванную и снимая на ходу пиджак. Умывшись, приведя себя в порядок перед зеркалом, Лева остался доволен, полагая, что выглядит нормально. Молодости свойственно ошибаться, за последние три дня Лева осунулся, под лихорадочно блестящими глазами появились темные круги.

Мама вновь переставила цветы, постучала в кабинет мужа.

– Ваня, кончай работать. Обед!

Генерал-лейтенант захлопнул «Три мушкетера», которые читал последний час, сунул книгу на полку и, потирая руки, вышел в столовую.

– Ну, Клава, берегись! – заявил он воинственно.

Лева вошел в столовую из других дверей. Сегодня все было особенно торжественно, мама надела вечернее платье, выглядела в нем молодожаво, отец – в строгом костюме, удивительное дело, на отце любая вещь сидела безукоризненно, приобретая сразу другой вид.

Родители, стоя у серванта, что-то озабоченно обсуждали, их серьезные лица не вязались с праздничной одеждой, цветами, парадно накрытым столом. У отца с матерью какие-то неприятности, подумал Лева, задерживаясь в дверях. Он представил себе, что произошло какое-то несчастье у мамы в институте и следователь прокуратуры возбудил уголовное дело. Инспектор уголовного розыска икс начал работать и недогнувшей рукой вписал мамино имя в круг подозреваемых, так как она в такое-то время отсутствовала, в показаниях разночтения. А. М. Гурова человек, безусловно, сильный, властный и решительный. Психиатр А. М. Гурова проводила специальные экспертизы, неоднократно имела дело с различными преступниками, накопила определенный опыт. Мотив? Нужно обнаружить мотив. Что могло толкнуть Гурову на убийство?

– Ну-ка, Левчик, пропусти старуху.

Он не заметил, как из кухни с подносом вышла Клава, а он загораживает ей проход. «Левчик? Дела! Дома какие-то неприятности», – как и подобает инспектору уголовного розыска, Лева обладал незаурядной проницательностью. Он мгновенно принял решение развлечь родителей.

– Отец, ты умный и многоопытный, так ответь мне, почему мы профессиональную преступность ликвидировали, а профессиональные преступники у нас остались? – спросил Лева, когда все садились за стол.

– Преступность – явление социальное, наше общество данную социальную проблему разрешило, – ответил отец, – преступник же как личность предмет исследования психолога. Вопрос к Саше, она у нас специалист.

– Личность не в Сахаре рождается и формируется. Люди, определенная среда выпестовывают личность. – Лева взял у мамы тарелку, стал накладывать закуску. – Саша, тебе золотую рыбку положить?

– Спасибо. – Последний год Лева порой называл маму по имени, ей это нравилось. – Кого конкретно ты называешь профессиональным преступником? Человека, который, кроме преступлений, ничем не занимается?

– Узко мыслишь, Саша, – ответил несколько покровительственно инспектор. – В наших условиях ему приходится работать, хотя работа у такого человека лишь ширма, профессия же у него – совершение преступлений.

Отец решил подогреть разговор несколько с другой стороны, взяв со стола графин с водкой, спросил:

– Ты больше не работаешь сегодня?

– Налей, отец. Коньяк в доме есть?

– Коньяк? – Отец поставил графин, пожал плечами. – Давай выпьем коньяку.

Клава сегодня уже не командовала и сидела за столом тихо, словно мышь. Она поднялась и поставила на стол коньяк.

– Мне завтра на работу к семи утра, я лягу пораньше. – Лева протянул отцу большую рюмку. – Надо пить коньяк, отец, сейчас это модно. Твой сын обязан шагать в ногу со временем.

Глава 5

Утро было свежее, даже прохладное. Лева рассчитывал провести целый день на солнце, поэтому надел дакроновый костюм, сшитый словно из блестящей папиросной бумаги. Зябко передернул плечами. На стоянке безнадежно выстроились такси. Лева, чувствовавший себя крезом, решительно направился к головной машине.

Вчера вечером мама, заговорщицки подмигнув, принесла конверт и положила перед каждым по сто рублей. Она получила какую-то сверхнеожиданную премию, «деньги свалились с неба», и решила разделить их поровну. Отец сказал, что купит себе наимоднейший спиннинг, Клава заявила, что наймет садовника, который станет выхаживать «чертову клубнику», мама решила разориться на французские духи, Лева же чистосердечно сказал: истрачу на вино и женщин.

Все рассмеялись и не поверили, между прочим, зря не поверили, так как Лева говорил абсолютно искренне. Когда же около девяти он ушел спать, Клава и отец вернули маме деньги, она присовокупила к ним свою долю, «премия» вернулась в домашнюю кассу.

У конюшен, как обычно, бродили добродушные собаки, доносился стук копыт, катились коляски, перекликались наездники. Свернув в узелок нехитрое свое хозяйство, ушел

ночной сторож. Rogozin Лева лишь кивнул, а вот подошедшая почти одновременно с ним Нина поздоровалась громко и весело:

– Привет писателям! Какое утро! Ночью дождило, сейчас подсохнет, дорожка будет легкая. – Она улыбалась Лева открыто и дружелюбно, глаза у нее были карие, с яркими желтыми блестками.

– Легкая? – пожимая ее сильную руку, удивился Лева.

– Запишите. Есть у нас такое выражение: легкая дорожка.

Нина вбежала в конюшню, достала из сумки пачку сахара, пошла от денника к деннику, ласково разговаривая с лошадьми, угощала их.

Двигалась Нина легко и свободно, ступая на носки, отчего казалась выше, стройнее, чистые линии сильных рук и ног делали ее похожей на породистых скакунов. Сквозь легкое платье просвечивали тонкие полоски белья, Лева хотел отвернуться и не мог, смотрел и смотрел.

Лошади благодарно кивали, аппетитно хрупали сахаром.

– Умницы вы мои, дурашки любимые. Да, да, сейчас работать начнем. – Нина смеялась. – Понимаете, писатель, они конюхов любят, а наездников не очень. Конюх чистит, моет, кормит и холит, а наездник гоняет, работать заставляет.

– Понятно, – севшим от волнения голосом ответил Лева, подошел ближе, протянул руку, хотел погладить наездницу по обнаженному плечу. К его счастью, она не заметила, перешла к следующему деннику.

– Видали дурака? Я его, бездельника, вчера настегала, вот он морду и воротит. – Нина вновь рассмеялась, похлопала жеребца по крупу. – Не хочешь, глупый, не надо. Ты сегодня, между прочим, выходной.

Жеребец понял ее, повернулся, взял с протянутой ладони сахар, затем, решив выдержать характер, отошел в дальний угол.

– Видали? Весь в отца. – Нина взглянула на часы, заторопилась, крикнула: – Василий, Петр! На разминку! Михалыч! Где Колька? Нет, уволю, уволю, уволю вас всех! – Она убежала в свою комнату переодеваться.

В коридор вошли молодые наездники, Лева и не подозревал, что они уже на конюшне. Рогозин выкатил коляску. Лева уже знал: тренируются в одной коляске, на соревнованиях же едут в другой, более легкой и изящной. Он переложил удостоверение в брюки, повесил пиджак в комнате наездников, засучил рукава и, не спрашивая, что именно делать, начал вместе со всеми выводить, держать, даже затянул два каких-то ремня, в которые ткнул заскорузлым пальцем Рогозин.

Нина и наездники уехали, Лева достал сигареты и зажигалку, конюх пробормотал, мол, трава, однако закурил.

– Нравится стерва-то наша? Вижу, нравится. – Рогозин сильно затянулся, прищурившись, глянул на Леву. – Молодой. К девкам тебя как магнитом тянет.

– А вы, Михаил Яковлевич, в молодости девчат гнали от

себя?

Рогозин хмыкнул, вновь оглядел Леву снизу вверх, туфли осмотрел, затем брюки, рубашку, уперся в глаза. Леве хотелось повернуться на каблуках, разглядываешь, так уж валяй со всех сторон. Когда же он встретился с Рогозиным взглядом, у Левы охота шутить пропала, инспектор уголовного розыска почувствовал – сейчас конюх скажет важное, самое главное. Лева напрягся, пытался взглядом подтолкнуть Рогозина, говори, дорогой, говори.

Старый конюх в две затяжки прикончил сигарету, погасил о каблук и, сунув окурочок в карман, пошел по каким-то делам, словно не стоял рядом человек, с которым он сейчас разговаривал. Ни полслова не обронил Рогозин, думал же явно об убитом, хотел что-то сказать, раздумал. Все прошедшие дни Лева удивлялся: никто не вспоминал погибшего наездника, ни разу не назвал его имени, даже косвенно не упоминали о нем. Ведь он ходил здесь, ел с ними и разговаривал, смеялся и ссорился. Вечер воскресенья и понедельник они все провели в прокуратуре, во вторник Лева уже был здесь. Допрос у следователя для любого человека потрясение, возникает естественное желание поделиться, спросить, о чем спрашивали приятеля, что он ответил. Обычно коллектив, где произошло несчастье или преступление, несколько дней почти не работает, все говорят и говорят, повторяя одно и то же, сочиняя и придумывая новые подробности. Естественно, часто говорят о покойном, вспоминают, какой душевный он был

человек, даже если ругались с ним целыми днями. Здесь же царила деловая, будничная атмосфера. Логинова здесь как будто никогда не существовало. А ведь он здесь жил несколько десятков лет – в последней комнате с левой стороны, где каждая вещь принадлежит ему. Вот почему Лева не мог угадать характер и привычки Григорьевой по обстановке: каждый предмет там принадлежал покойному.

Лева подошел к комнате мастера-наездника, толкнул приоткрытую дверь. В лицо ему ударил яркий свет, который через вымытое до блеска окно заливал просторную чистую комнату. Ни одной старой вещи в комнате не осталось. Потолок побелен, под ним изящная современная люстра, стены оклеены обоями, на месте коричневого коня висит фотография: группа вытянувшихся в стремительном беге лошадей. Снимок прекрасный, сделан, безусловно, профессионалом. В углу аккуратный шкаф, рядом небольшой диванчик, на столе белоснежная скатерть, вазочка из чешского стекла, а в ней роза. Полураспустившийся гордый цветок на длинном стебле. Пахнет чистотой и чуть-чуть кофе. Обследовав комнату вторично, Лева заметил на полке кофеварку и электрическую кофемолку.

– Намедни покрушила все, – сказал незаметно подошедший Рогозин. – Дождалась своего часа. Добилась, девонька, – последнее слово он произнес как ругань.

И тут Лева совершил поступок, о котором и не думал секунду назад: он молча протянул Рогозину свое удостове-

ние. Конюх поправил очки, прочитал, пощупал мягкую кожаную обложку, словно его убедила кожа, а не гербовая печать и фотография. Вновь, как совсем недавно, он осмотрел Левины ботинки, брюки, рубашку, заглянул в глаза, казалось, сейчас оттянет заскорузлым пальцем губу и проверит зубы. Rogozin не выразил удивления, вообще не проявил никаких эмоций, вернул документ и сказал:

– Значит, не дураки. Конечно, разве ж Гладиатор может человека зашибить? Убили Алексеича, мешал он тут, торчал, как старый дуб, посередь, – он не нашел подходящего слова, лишь указал на Нинину комнату и, сгорбленный, длиннорукый, зашагал по коридору между стойлами.

Услышал Лева, как звякнуло пустое ведро, еще какие-то звуки, темная фигура конюха мелькнула в ярком проеме ворот конюшни и исчезла. Лева остался один, в конюшне тихо, лишь изредка всхрапнет лошадь, стукнет копытом о перегородку.

Он подошел к конюху, который возился у полки с подковами.

– Черт бы их побрал, – сердито бормотал он. – Теперь Rogozin подкову потерял.

Лева насторожился. Одну подкову вынес он сам, конюх сказал: «Теперь». Значит, не первая подкова пропала?

– Теперь две придется Ивану заказывать. Григорию и Розке. – Конюх оглядел непарную подкову. – Правая передняя, а Григорию левая задняя требуется.

Лева вспомнил – кровь обнаружили у Гладиятора на левой задней ноге. Убийца учел даже такую мелочь. Времени же согласно разработанной версии у преступника на подготовку и обдумывание не было. Вернулся Rogozin.

– Михаил Яковлевич, вы где в то время находились? – Лева не уточнял, какое «то время», они понимали друг друга. – На кругу вас не было. Не ходите вы туда.

– Не хожу, – согласился Rogozin, взял две подковы и пошел к воротам.

Лева понимал, конюха говорить не заставишь, захочет сам, дело иное, а нет, так хоть весь уголовный розыск с прокуратурой вместе приводи, упрется – и конец.

Обливаясь потом, скидывая на ходу модную куртку, подбежал конюх Коля, затравленно взглянул на Леву и Rogozina.

– С первой разминки не вернулась? Я уже час здесь. Час назад пришел. – Толстыми непослушными пальцами он расстегивал пуговицы, испуганно поглядывая в сторону поля, переодевался.

На взмыленной лошади подъехала Нина.

– Умница, умница, – говорила она лошади, – хорошо работала сегодня.

Коля схватил кобылу под уздцы, сунул ремни Лева, начал быстро распрягать и говорить:

– На одно мгновение опоздал, Нина Петровна. Вы еще на поле не въехали, я побежал. За вами дернулся, да разве до-

гонишь. Верно, писатель, а? Вот и писатель видел, Михалыч подтвердить может.

Нина не отвечала, Коля быстро повел лошадь выгуливать. Подъехали молодые наездники, работа закипела.

Лева же занялся своим делом. Ну, хорошо, Коля и молодые наездники тут без году неделя, разбираются в лошадях слабо. Нина же понимает, мог Гриша ударить человека или нет? Наверняка знает, не Гладиатор убил наездника, человек убил. В прокуратуре она ничего не сказала, мало того, утверждая, что Рогозин находился на круге, она лгала. Лева вспомнил ее стройную, приподнятую на носки фигуру, мягкие законченные движения, в рыжих блестках карие глаза. Ложь – противного, какого-то химического цвета, она корявая, кособокая, если и округлая, то липкая, вонючая. Представления Левы о Нине и лжи никак не сочетались. И все-таки, как подсказывала ему интуиция, Нина лгала, Нина лгала в данной истории все время, по крайней мере – много. Значит, неправильно он Нину видит, неверно оценивает, красота ее лишь прикрытие.

– Парень! – издалека донеслось до Левы. Он слышал и не слышал, к себе данный возглас не отнес точно. Лишь когда повторили громче, Лева поднял голову.

– Парень! – Рогозин стоял в воротах конюшни, манил пальцем.

Лева вошел, щурясь, никак не мог он привыкнуть к резкому переходу от света к тени, остановился, затем поспешил

за Рогозиным, который был уже в дальнем конце, у комнаты Нины.

– Сядь, – Рогозин указал Леве на стул, посмотрел в окно и потом в течение всего своего рассказа смотрел на клочок видневшегося в окне неба. – Ты не отстанешь, мне же скрывать не дело. Было все так. Ехать в тот день на Григории должна была она. – Лева уже отметил, что Рогозин Нину по имени не называет, либо – она, либо ругательно. – Накануне предложила Алексеичу, мол, ты давай, я прихворнула вроде. Точно врала, здоровая по конюшне шастала. Алексеич, конечно, обрадовался, на Григории ехать всегда почетно. Ну, день тот был, как день, воскресенье, одним словом, сам теперь видишь. Алексеич с утра пришел чистый, бритый, без вчерашнего духу, он на заезд всегда такой являлся. «Маленькая» у него была и пиво, так то после езды. Если бы ему каждый день ездить давали, он бы ее, зеленую, в рот не брал.

Рогозин говорил трудно, с паузами, повторялся, отворачивался к окну. Леве все это мешало, но он твердо знал: перебивать вопросами нельзя. Может замолчать Рогозин, тогда пиши пропало.

– Заявился Алексеич с утра в новой рубахе с галстуком. Я его с галстуком в жизни не видел и удивился. Он мне, точно не помню, вроде того: мол, мы с тобой, Михалыч, покажем некоторым, кто мы такие есть. Подзабыли некоторые, так можно им мозги прочистить. Сильно взъерошенный он был. Я молчу, знаю, отойдет, сам расскажет. Проял он Гри-

гория, как положено, сам прогулял, сам протер. Я ему подсобил, запряг, перед ездой он мне вдруг и шепни: «За меня сегодня деньги в одинаре платить будут». Я понял, шутит. Он открытый фаворит, цена ему по кассе рупь с гривенником.

Уехал. Тут дела, дела. Подчищаем. Григорий от нас в тот день последним ехал. Двухлетки, – так Рогозин молодых наездников называл, – прихватили своих барышень и ушли. Она тоже переделалась, убралась на круг. Мы с Колькой приборку кончаем. Слышу, шум у соседей, вернулись, значит. Алексеич подкатил, смеется, как малый, таким веселым я после смерти его Сани и не видал. Прямо заливается. Григория обнял, в морду поцеловал и пошел, знаю, принять стаканчик. От Семеныча, сосед наш, приходят, говорят: Алексей чудом, концом выехал. Молчу, не верю. Веселая – классная кобыла, Гастролер – тоже слов нет, стоящий жеребец. Однако не с Григорием же им равняться. Он таким фору завсегда даст. Алексеич здесь недолго пробыл, вышел, глазки поблескивают...

Рогозин замолчал, глядя в окно, будто видел там смеющегося помолодевшего Логинова.

– Колька, шалапут, переодеваться пошел, я Григория прогулял, в порядок привел. Колька заявляется, гляжу, пьяненький. Где, думаю, хлебнул, крепко хлебнул? Алексеич ему в жизни не даст. Чтобы припасти на конец дня – этого за Николаем не водилось. Ну, пьяный мне ни к чему. Говорю, смаывайся, она увидит, выгонит. Колька топчется рядом, вы-

пил, поговорить ему охота, ведет со мной Григория на месте. Тут как раз Алексеич вышел. Кольку шуганул, меня просит: «Сходи в ресторан, возьми красенького. По дороге глянь на табло, сколько нынче за Логинова платят». Я отказываюсь, он – свое и дает мне двадцать билетов, все в одинаре, все на второй номер, на Григория, то есть на себя Алексеич деньги поставил. Удивился я, третий десяток работаем тут, – Рогозин кивнул на окно, – каждый друг про друга все знает, мне с ним говорить не надо. Он в жизни рубля не поставил, презирал это. Вдруг такое! Видит, я рот открыл, объясняет: мне сегодня полагается, жулье учить надо. Забрал я чертовы билеты, знаешь уже, по три за рубль платили. Получил деньги, купил вина, назад тороплюсь, невтерпеж мне у Алексеича все выведать. Не было меня... – Рогозин на секунду задумался, но Лева видел, что у него все учтено заранее. Конюх все время в окно, в одну точку, смотрит, чтобы не отвлечься, не сбиться. – Ушел я без нескольких минут шесть, вернулся к семи. Концы, видите, немалые, то да се. Уже наши ворота видно, меня пацан у шестой конюшни перехватил, конюхом он там. Вижу, она из конюшни вышла, спокойно вышла, руки за спиной держит. Она меня не заметила и к полю пошла, в руке держит что-то, газету, кажется. Я к конюшне тороплюсь, враз наперехват она, пацаны с барышнями своими, еще кто-то. Кончилось, значит, идут, обсуждают, спорят, как положено. Чувствую, мне с Алексеичем сейчас не поговорить, придержался, сравнялись, вошли вместе. Остальное,

как там, – Рогозин кивнул на окно, явно имея в виду прокуратуру, – записано. Лексеич еще теплый лежал.

– Затем? – впервые спросил Лева.

– Ваши понаехали. Она вызвала. – Рогозин опустил голову, медленно поднял глаза, Лева увидел в них и горе, и едва заметную насмешку.

– Николай где находился? – как можно беззаботнее спросил Лева.

– Черт его знает. Говорю, пьяный был, – ответил Рогозин, хотел подняться, Лева положил ему на плечо руку.

– Друга убили, вы уж, извините меня, Михаил Яковлевич, а вы убийцу покрываете. Или жалко ее?

– Кого? – Рогозин досадливо сморщился. – Кого ее-то?

– Григорьеву. Вы же сами говорили...

– Дурак ты. Двухлеток. – Рогозин резко поднялся, распахнул дверь ногой, послышался глухой удар. За дверью кто-то стоял.

Лева выскочил в коридор и столкнулся с Колей, который, широко улыбаясь, потирал лоб. Рогозин уже находился у выхода, в светлом проеме ворот виднелся силуэт лошади. Смешно взвизгнув, Коля опрометью бросился на улицу, успел вовремя принять у подъехавшей Григорьевой лошадь. Началась обычная работа. Лева в ней участия не принял, сел в сторонке на перевернутую бочку, достал блокнот. Писать он ничего не собирался, помнил все отлично. Из работников тренотделения алиби имели лишь молодые наездники,

или, как они здесь назывались, помощники. Один был с женой, второй – с невестой. Где находились Николай и Рогозин, неизвестно, Григорьева с круга ушла раньше, в какое время, тоже пока не ясно. Рогозин отпадает, Лева убежден в этом, рассказанное им – правда. Оговорить Нину он мог, очень уж не любил ее, а вот придумать такую историю ему явно не по силам. Теперь Лева убежден, она приказала говорить следователю, что все стояли вместе, что никто не уходил с круга. Она, безусловно, знает: Логинов убит, сама, конечно, не убивала, видела либо труп, либо убийцу. Может, не мучиться, рассказать все следователю, пусть он всех официально допросит? Как ни упрям Рогозин, показания в прокуратуре ему дать придется. Коля заговорит обязательно. С Ниной сложнее, она может заупрямиться. Лева прошел на трибуны, без труда отыскал ложу Крошина.

Поздоровавшись, Лева сел на предложенный стул.

Тот факт, что в ложе имелся свободный стул, объяснялся просто – Александр Александрович Крошин состоял в элите завсегдатаев. Он принадлежал к новой волне «корифеев», обладал хорошим зрением, поэтому не пользовался биноклем и не щелкал секундомером. Зная резвость лошадей и оценив посыл наездника, мог определить время на четверти с точностью до секунды. Играл он расчетливо, не зарывался, не искал мешка с деньгами, то есть на «темных» лошадок не ставил.

Встречали сегодня Леву как старого знакомого. Девушки,

Лева с трудом усвоил, что черненькая – Анна, а светленькая – Наташа, подшутили над его вспыльчивостью. Получилось это у них очень мило, Лева даже не покраснел. Сан Саныч, так девушки называли Крошина, сказал, что сегодня день интересный, и Лева пришел исключительно вовремя, ему пора приобщаться, так как настоящий мужчина должен получить зачеты на ипподроме, у стойки и за карточным столом.

Лева почувствовал себя не в пример прошлому разу свободно и, инструктируемый Сан Санычем, начал играть. Играть оказалось очень интересно. Лева не считал себя человеком азартным, но, как и многие, он ошибался в оценке своей персоны. Сан Саныч понимал в бегах. Лошади, на которых Лева делал ставки, либо выигрывали, либо приходили в первой тройке. Лева все время был близок к победе. Ставить Сан Саныч разрешил лишь рубль. Проиграв пять рублей, Лева получил массу удовольствия. Вот тогда Крошин сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.